

ФЛОРИАН ХУБЕР

ЗА ДВЕРЬЮ ПОДЖИДАЮТ ПРИЗРАКИ

Драма немецкой семьи в послевоенной Германии

18+

Флориан Хубер
За дверью поджидают
призраки. Драма
немецкой семьи в
послевоенной Германии

Текст предоставлен правообладателем

<https://litres.ru/70374313>

*За дверью поджидают призраки: Драма немецкой семьи в послевоенной
Германии: КоЛибри, Азбука-Аттикус; М.; 2024*

ISBN 978-5-389-24978-3

Аннотация

<r>Долгие годы после окончания войны большинство немцев, разлученных ею с близкими, мечтали о воссоединении семей и нормальной жизни. Но частная жизнь за дверями домов не стала тем островком спокойствия, которого так жаждали эти люди. Происшедшее оставило глубокий след на повседневной жизни семей. Отцы и мужья после войны и плена стали другими. Их дети росли и воспитывались в атмосфере молчания, намеков и строгости. В конце концов конфликт поколений обернулся уличными беспорядками.</r><r>Флориан Хубер описывает послевоенную семейную драму с точки зрения и от имени этих людей. Среди них мы видим ведущего

двойную жизнь вернувшегося с войны фронтовика, юную мать, запутавшуюся в собственных тайнах, школьника, разоблачившего родительскую ложь, девочку, отважившуюся восстать против грубости солдафона-отца. В судьбах, повествующих о мире, которого не коснулся оптимизм общества восстановления, осязаемо ощущаются мрачные глубины и бездонные пропасти той эпохи.

В формате a4.pdf сохранен издательский макет книги.

Содержание

От редакции	6
Предисловие	7
1. Разорванный мир	14
Моряк в пустыне	14
Письма в никуда	18
Конец ознакомительного фрагмента.	20

Флориан Хубер
За дверью поджидают
призраки. Драма
немецкой семьи в
послевоенной Германии

Florian Huber

Hinterden Türen warten die Gespenster

Das deutsche Familiendrama der Nachkriegszeit

© 2017 Piper Verlag GmbH, München/Berlin

© Анваер А. Н., перевод на русский язык, 2023

© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательская Группа «Азбука-Аттикус», 2023

КоЛибри®

От редакции

Эта книга, с одной стороны, основана на дневниках, письмах, воспоминаниях и устных сообщениях за полтора десятка лет, прошедших после окончания Второй мировой войны. Авторы описывают в них личные переживания послевоенного времени в контексте совместной жизни со своими мужьями и женами, отцами, матерями и детьми. Эти тексты собраны под заголовком «Воспоминания и дневники современников» в указателе источников и литературы. Помимо этого, слово было предоставлено и так называемым детям войны и поколению внуков; эти материалы помещены во втором разделе – «Посмертные воспоминания и семейные истории». Описание фоновых событий подкрепляется многочисленными историческими фактами, изложенными в третьей части под заголовком «Дополнительная литература». Дословные цитаты выделены курсивом или отсечены отступами; орфография и пунктуация их сохранены без изменения. Подтверждающие источники можно найти в приложении, в разделе «Указатель цитат». На основании закона о защите персональных данных некоторые имена изменены.

Предисловие

Есть много причин ненавидеть пятидесятые годы.

Достаточно взглянуть на преступную коррумпированность, насквозь пронизавшую государственную структуру. Всюду, вплоть до высших постов, засели старые «камрады» и плели свои новые сети. На их стороне стояли юристы и бюрократы из той же банды, которая ни за что не желала дать в обиду своих, а, напротив, делала все, чтобы затушевать преступления, соучастником которых была она сама. Свидетельства актов геноцида эти люди заталкивали в дальние углы канцелярских шкафов на съедение бумажным червям.

Таким образом, те, у кого отобрали собственность и убили близких, те, кто из последних сил сумел дожить до освобождения, подвергались глумлению: ни судебной защиты, ни перспектив. К ним не было интереса. Не было даже элементарного сочувствия. Их надежды на справедливость разбились об это холодное пренебрежение. В роли же последних жертв диктатора выступили другие: миллионы ничего не осознавших немцев хотели в итоге выставить пострадавшими себя. Ветераны всех фронтов держались легенды о рыцарском образе солдат вермахта. Они забыли слезы, пролитые по погибшим в Сталинграде товарищам; им даже не приходило в голову теперь, в тишине мира, спросить самих себя о

собственном участии в тысячелетней германской катастрофе.

Можно ненавидеть самый дух этого процесса восстановления общества. Рвение мужчин, бросившихся занимать места на ступеньках карьеры, чтобы все выше и выше взбираться по служебной лестнице; и не меньшее усердие женщин, прошмыгнувших в кухни и детские. Каждый играл свою роль в стремлении к собственному дому-крепости и автомобилю на зависть соседям. Они были так сильно поглощены своим старанием, что не находили ни малейшей возможности задуматься о прошлом и об ответственности за него. Очень скоро все пришло к образцовой норме – настолько просты и прямоугольны были рамки. Непохожий, неправильный, выбивающийся из общего порядка человек должен был разбить себе о них голову, если не хотел соответствовать. То же утверждала и продукция индустрии развлечений, рисующая жизнь простыми и ясными красками. В качестве главных охраняющих фигур на пике этого общества стояли люди, облеченные авторитетом старого пошиба. В их речах звучал приказной казарменный тон; они руководили автомобильными предприятиями, торговыми фирмами или государством, сознавая полноту своей власти и оставаясь глухими к протестам.

Такими можно видеть эти годы и испытывать к ним отвращение.

Есть, однако, и много причин любить пятидесятые.

Это может прозвучать ошеломляюще, но причины эти олицетворены с теми же людьми, нужно только посмотреть на них с другой точки зрения. И в этом ракурсе эти твердолюбые мужи предстают рулевыми государства и бизнеса, излучающими после поражения уверенность в себе и в своих силах. Не было ничего более необходимого для народа, лишенного всякой способности к ориентации. То были люди, не знавшие, что такое «если» и «но», они напролом шли вперед, противопоставляя беспомощности свою уверенность.

Они воплощали собой гордость, на которую вскоре начало претендовать целое поколение. Но в отличие от имперской великодержавной спеси эта гордость питалась собственными, индивидуальными достижениями. Приобретая домик на вновь отстроенной улице, люди возвращали себе счастье частной жизни, которая была разбомблена, отнята или разрушена. И с этой точки зрения трудовой энтузиазм в те годы был обусловлен не просто стремлением получить работу, он имел вполне определенный мотив. Помимо желания снова стать кем-то, речь шла о том, чтобы снова что-то иметь. Можно было собираться вместе и веселиться, ничего не опасаясь. Немецкая «Party» была изобретением именно того времени. Возвращались давно забытые маленькие радости жизни.

Духом восстановления общества был оптимизм, и именно так воспринимали это время те, кто в нем жил. Роли до полу-

смерти утомленного на работе служащего, неутомимой домохозяйки и послушных детей устарели, но они же внушали уверенность. Послевоенный период был назван «экономическим чудом»¹ лишь спустя время, ибо сами современники были исцелены верой в чудо. Для них важнее самого чуда были покой и нормальность. Вести обычную жизнь в кругу воссоединенной семьи после нескольких лет разобщенности стало немецким представлением о рае на Земле. Страна наконец смогла перевести дух. Этот покой позволил дистанцироваться от ужаса недавнего прошлого.

Для одних это было спасением из водоворота трагедий, для других – величайшим обманом эпохи, ибо в основе этого покоя лежал заговор молчания, запретивший называть своими именами и вытеснивший из сознания общества его преступления. Из этого сложилась атмосфера пятидесятых годов – кладбищенская тишина над могилами миллионов жертв, в том числе и собственных. Забвение стало гражданской добродетелью. Шум моторов и грохотстроек стали звуковым сопровождением эпохи. Внутри, за фасадом, царила гнетущая тишина.

В этом крылось несоответствие: немцы вышли из моральной и материальной катастрофы очень неуверенно и хоте-

¹ Немецкое экономическое чудо (нем. *Wirtschaftswunder*) – период быстрого восстановления экономики ФРГ после Второй мировой войны в период с 1948 до середины 1960-х годов. Впервые термин был употреблен в 1950 году в «The Times».

ли лишь маленького человеческого счастья. В расхожих образах и картинах этой эпохи время после драмы тридцатых и сороковых годов видится по большей части как ровная поверхность: «моторизованный бидермайер»², «дети, кухня, церковь»³, «накрахмаленные нижние юбки и овальные столики»⁴. Никакой глубины, но и никакой бездны. К тому же конец сороковых и пятидесятые были фазой противоречий и вынужденного и не объединяющего соседства. Под застывшей гладкой поверхностью был слой, где обнажались линии разлома и разворачивалась психологическая драма потрясенного в самой своей основе общества.

Сценой этой драмы было то, к чему все немцы всей душой рвались до и после катастрофы: семья, убежище и оплотнормальной жизни. Хотя, и даже потому, что заговор молчания препятствовал культуре общения, в тесном семейном кру-

² «Моторизованный бидермайер» – иронический термин, предложенный для обозначения стиля эпохи экономического чуда немецким писателем и сценаристом Эрихом Кестнером. Собственно, стиль бидермайер получил развитие в 1815–1848 годах, ему свойственны лаконизм, добротная простота, ориентированность на домашний уют. Позже термин бидермайер стали использовать в значении «старые добрые времена».

³ «Дети, кухня, церковь» (нем. *Kinder, Küche, Kirche*), или «Три К» – немецкое устойчивое выражение, описывающее основные представления о социальной роли женщины в германской консервативной системе ценностей. Автором данной аллитерации принято считать кайзера Вильгельма II.

⁴ «Накрахмаленная нижняя юбка и овальный столик» – устойчивое выражение, описывающее послевоенный гламурный стиль 1950-х (нем. «*Petticoat und Nierentisch*», англ. «*Petticoat & Kidney Table*»).

гу не так-то легко было скрыть то, что подлежало умолчанию. Даже если никто не говорил об этом вслух, оно проби- валось и становилось заметным в любой мелочи. Просачи- валось сквозь щели повседневности, рядилось в образы чу- дачеств и ритуалов и высказывалось в ссорах мужчин с жен- щинами, родителей с детьми. Атмосфера, которую все они совместно создали, была суммой и вершиной их пережива- ний.

Это была эра семейных тайн – провалов, которые было необходимо скрыть. Частная жизнь за закрытыми дверями вовсе не была тем островком мира и покоя, о котором меч- тали в Германии все – от вернувшихся домой солдат до ми- нистра по делам семьи. Редко у кого все шло по заведенному порядку, словно на уроке танцев. Схема «нормальной жиз- ни» и счастья как семейной повседневности оставалась лишь идеальным представлением о действительности. За закрыты- ми дверями домов жили мужчины со своими тайными вос- поминаниями; женщины, позабывшие о том, что они жен- щины; и дети, которые видели ссоры взрослых и либо при- нимали в них участие, либо бунтовали. Женщины, мужчи- ны, дети – три мира, три перспективы и три точки зрения, и все это сплетено в клубок неразрешимых противоречий.

Банальная истина: семья образует ядро общества. Но это ядро имело множество оттенков – от тускло-серого до яр- ко-алого и иссиня-черного. В глубоко скрытых слоях это- го ядра бушевали страсти, теплилось тоскливое томление

или царила ледяная холодность. Все это вело к иллюзиям и несбывшимся ожиданиям, метаниям, неискренности, двойной жизни и параллельным семьям.

Немецкий семейный космос после 1945 года был исторически уникальной «опытной конструкцией». Здесь находится ключ к пониманию эпохи и людей, сталкивавшихся друг с другом внутри конструкции. Об этом повествует книга: о драме немецкой семьи за закрытыми дверями, о молчании, о ненависти и любви.

1. Разорванный мир

Моряк в пустыне

Его занесло в пустыню. Как нарочно, именно его, человека, который всю жизнь рвался в море. Когда он выходил из палатки, раскаленное солнце било в глаза так, что вокруг блекли все цвета. Под ногами сухо шуршал песок. Вокруг, насколько хватало глаз, был виден только лагерь, построенный в строгом геометрическом порядке. Море палаток; примыкавшие друг к другу прямоугольники брезента образовывали еще один огромный прямоугольник, стиснутый по периметру сторожевыми вышками. Вздумай он уйти отсюда, далеко бы не ушел. За колючей проволокой расстилался мертвый мир – пыль, галька и раскаленные камни. Пустыня была лучшим тюремщиком, и оружием его было солнце.

Пустыня вместо моря, заточение вместо свободы, лагерное оупение вместо радости возвращения на родину. Когда вечерами в лагере вспыхивали электрические лампы, висевшие на колючей проволоке, пленные не могли избавиться от ощущения, что они зрители какого-то полуфантастического действия.

[(1) «Мир исчезал за этой непроницаемой завесой

света. Свет возникал, будто из ничего, в царстве песка, в этом остекленевшем пространстве, без всякого смысла втиснутом в никуда, но, несмотря на это, тщательно охраняемом; картина, лишенная всяких признаков реальности».]

Призрачным и разорванным казался мир после поражения и краха. Вольфрам Матшос всю свою сознательную жизнь был моряком. Ради мечты он в 1930 году отважился на побег из отцовского дома в силезском Вальденбурге. Школьный совет контролировал каждый шаг Вольфрама, но в семнадцать лет он сбежал в Гамбург. Там поступил в мореходное училище, чтобы наконец покинуть сушу. Как только Вольфрам прошел курс обучения, сразу же ушел в океанский рейс.

Вольфрам Матшос стал штурманом дальнего плавания. В 1939 году он был призван в германский военно-морской флот. Во время войны на минном тральщике бороздил воды Средиземного моря, был взят в плен англичанами. В рождественскую ночь 1945 года в лагере для военнопленных под импровизированной самодельной елкой он праздновал свое спасение. Он уцелел, ему было тридцать два, и он мог начать жизнь сначала – на Нордернее, островке в серо-голубом море, где его ждала семья.

Однако транспортное судно, на борт которого в начале 1946 года взошел Матшос, направилось не в Германию, а еще дальше на юг. У Эль-Фаида, на западном берегу Суэцко-

го канала, англичане высадили его в египетские пески. Матшос оказался одним из примерно ста тысяч немецких военнопленных, которых британцы охраняли в дюжине построенных в пустыне лагерей. Вместо морского бриза песчаные вихри, взметаемые хамсином, так называют египтяне дующий из пустыни ветер. Ближайшим водоемом было тридцатикилометровое соленое озеро, служившее отстойником для судов, проходивших по каналу. Это было похоже на какую-то картину, на которой Бог уничтожил в морской пучине армию фараона, преследовавшую израильтян во главе с Моисеем. Название этого соленого озера звучало как образчик старого доброго английского юмора в отношении немецких пленных: Большое горькое озеро. Матшосу, однако, было не до смеха. Даже на Луне не мог бы он чувствовать себя дальше от всего, что любил.

Естественно, Вольфрам понимал, почему он здесь и почему его нельзя просто отпустить. У британцев были вопросы относительно его роли в организации и становлении национал-социалистского государства. *[(2) В самом начале пребывания в плену каждый был подвергнут допросу, и по его результатам был направлен в ту или иную группу пленных.]* Матшосу направили в группу С, самую многочисленную группу «нацистов». Об этом пленные между собой почти не говорили. Политика, партия, война – со всем этим для них было раз и навсегда покончено, ибо мыслями все они были на родине. Война была проиграна, Германия уни-

чтожена, военный флот отправлен на морское дно. В их душах теплилась одна надежда: вернуться домой, к семье. Так же, как товарищей Матшоса по палатке: Шиппера, Мейера, Рюстмана, как сотню тысяч других, его самого снедала тоска по родине. Еще сильнее мучила неопределенность – с тех пор как были порваны всякие контакты, Матшос не знал, где находятся Ханни и дочери, живы они или нет.

Он познакомился с продавщицей книжного магазина Иоханной Берг, уроженкой Нордернея, на базе военно-морского флота в Вильгельмсхафене. Вольф и Ханни поженились в 1942 году, а через два года родились их дочери Ева и Рената. Ханни с детьми переехала к матери Вольфа в Вальденбург, чтобы было полегче. Однако Силезия была захвачена Красной армией. Удалось ли Ханни с детьми бежать оттуда? Добрались ли они до Нордернея? Ждут ли они его? Мысли отчаянно металась в голове. У него не осталось ничего, кроме его семьи – Ханни, Евы и Ренаты. Их имена стали для него надеждой и ожиданием, утешением и верой, заботой, страхом, любовью – всем вместе. Они были его последним якорем, они должны были, они просто обязаны были выжить.

Письма в никуда

После 1945 года в тысячах лагерей, разбросанных по восьмидесяти странам мира, сидели одиннадцать миллионов немецких военнопленных. Все эти военнослужащие считались погибшими или пропавшими без вести. Едва ли в Германии можно было найти семью, где не пропали бы отец, сын, брат или кто-то из близких. Волны войны разметали людей. Тридцать миллионов человек были разлучены друг с другом, каждый четвертый разыскивал близких. Поиск и ожидание стали судьбой поколения. Мир был разорван.

[(3) «Не оставляй меня одну в этом ужасном мире! Вернись, я могу ждать долго, если буду знать, что ты придешь».]

Берга Бёзе ждала Густава Бёзе. Когда война подошла к концу, она находилась в Пассау, в родительском доме, совсем как в те далекие времена, когда еще не знала Густава и, согласно полученной профессии, была обречена на скучную работу банковской служащей. Но потом все изменилось, как будто она никогда и не жила мирной жизнью: в 1943 году ее призвали в вермахт⁵, и она стала штабным ординарцем, это было по-настоящему захватывающе – задания на Востоке, встреча с мужчиной своей жизни, дни райского счастья

⁵ Вермахт (нем. *Wehrmacht*) – вооруженные силы нацистской Германии в 1935–1945 годах.

в местечке под названием Дубно, свадьба в Кенигсберге. Теперь все это исчезло, словно никогда и не существовало.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.